WALTER HINZ, Altiranische Funde und Forschungen, Berlin, 1969, 273 стр.

Рецензируемая книга известного эламитолога и ираниста В. Хинца является публикацией и исследованием памятников и надписей, найденных в Иране в 1966—1968 гг. Она прекрасно оформлена и содержит 157 превосходно изданных фотографий и 34 прорисовки. При этом часть памятников издается впервые, а многие, хотя они и ранее публиковались, только теперь предстают перед читателем в вполне удовлетворительном виде (это прежде всего относится к новым фотографиям Бехистунского рельефа Дария I, недавно выполненным западногерманской археологической экспедицией).

Книга открывается публикацией эламской серебряной вазы, украшенной изображениями и надписью (стр. 11—44). Она была найдена в марте 1966 г. одним крестьянином при земляных работах близ Персеполя [1]. Высота ее — 19,3 см, диаметр — 9—10,5 см и вес — 605 г.

Многие ученые сомневаются в подлинности этой вазы, поскольку по своему художественному оформлению она является совершенно уникальным памятником древневосточного искусства. Но В. Хинц отмечает, что обстоятельства находки и надпись на вазе свидетельствуют о подлинности этого памятника и выражает надежду, что подобные произведения эламского искусства будут найдены и в будущем. По мнению издателя, на лицевой стороне вазы вычеканена эламская богиня победы Нарунде, известная и по другим памятникам древнеэламского искусства (в частности одно ее изображение сопровождается аккадской надписью с ее именем) и упоминаемая в текстах до 1500 г. до н. э. На оборотной стороне помещено изображение женщины, сидящей на корточках. По мнению автора книги, это — жрица, сидящая перед богиней в знак благоговения.

По всей вазе над изображениями сохранилась надпись древнеэламским линейным письмом, в расшифровку которого В. Хинц внес большой вклад в 1961 г. [2]. Это письмо засвидетельствовано почти в двух десятках надписей на камне и глине, которые происходят из Суз. Большинство их восходит к Кутик-Иншушинаку из области Аван, который правил Эламом сначала как вассал Аккада, а затем как самостоятельный царь (около 2260—2225 гг.). Издатель вазы склонен полагать, что она также относится к XXIII в. В тексте много неизвестных слов, но несомненно, что оба изображения и надпись на вазе находятся в прямой связи друг с другом и взаимно дополняют друг друга. Надпись читается, как и некоторые другие эламские линейные тексты, справа налево и, по мнению В. Хинца, переводится следующим образом. «Помоги, владычица, помоги! Я — Кури-Нахути, жрица жертвенных возлияний для богини. Явись, божественная владычица, неся вознаграждение и благословение! Дари храму вечную милость! Помоги! Священный сосуд создательницы поднебесной тверди, ты ей (богине) как избраннице (принадлежишь) изо дня в день».

Как отмечает автор книги, чтение и перевод надписи только предварительны и во многом ненадежны, поскольку из общего количества 56 знаков эламского линейного письма пока удовлетворительно расшифровано только 30. Далее в рецензируемой работе даны список знаков, перечень всех известных эламских текстов линейного письма, их фотографии, транслитерация и перевод, а также ссылки на более раннюю литературу.

В двух следующих главах книги опубликованы ахеменидские надписи.

В начале 1967 г. близ Персеполя у основания мраморных колонн (вероятно, руин здания ахеменидского времени) была найдена новая надпись Ксеркса [3]. Она составлена на древнеперсидском языке и по содержанию дословно совпадает с известной надгробной надписью Дария I в Накш-и-Рустаме (DNb), отличаясь от нее только графическими вариантами. Новая находка дает возможность уточнить чтение и интерпретацию ряда слов, которые оказались разрушенными в надписи Дария. В. Хинц дает фотографию и транслитерацию надписи Ксеркса, которая, очевидно, была списана не с текста на скале, высеченного на недоступной высоте, а с соответствующего документа царской канцелярии (стр. 41—51).

Упомянутая выше надгробная надпись Дария до сих пор не была издана во всех трех вариантах. Рецензируемая книга восполняет этот пробел. В. Хинц издал древнеперсидский и эламский варианты а Р. Боргер — аккадский (стр. 52—62). При этом были использованы еще неопубликованные фотографии надписи, сня-

[1] В этой связи автор подчеркивает справедливость мнения, высказанного Э. Херцфельдом несколько десятилетий тому назад, относительно того, что Персида (современный Фарс) до вторжения туда персов около 700 г. до н. э. составляла часть Элама.

[2] W. Hinz, Zur Entzifferung der elamischen Strichschrift, «Iranica Antiqua», II, Leiden, 1962, стр. 1—21.

[3] Ее недавно издала преподаватель Пехлевийского университета в Ширазе Б. Гариб.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

тые экспедицией Чикагского университета.

В эламском варианте некоторые слова вместо перевода просто заимствованы из древнеперсидского (например ši-ya-ti-im — древнеперсидское šiyātim «счастье»). Но в этой надписи встречается и несколько новых эламских слов, которые до сих пор не были засвидетельствованы. К их числу относится и слово ma-ul-la (нормализованно: malla) с детерминативом мужского рода, которое передает древнеперсидское marīka и аккадское qallu (см. ниже).

Теперь это слово известно и из совсем недавно опубликованных эламских документов крепостной стены, найденных в Персеполе и относящихся ко времени Дария I. В этих текстах ему предшествует детерминатив мужского или женского рода. В документе PF 1226 зафиксирована выдача ячменя работницам царского хозяйства в Персеполе после того как они родили детей: (m/f) ma-ul-li [4]. Р. Т. Халлок переводит это слово «младенец (? мужского или женского пола)» [5]. В других текстах аналогичного содержания (см., например, PF 1201—1203) вместо malli употреблено слово (m/f) pu-hu, т. е. «мальчики (или) девочки». Здесь также говорится о выдаче довольствия для работниц царского хозяйства (kurtaš), среди которых были и чужеземки (например гречанки из Ионии). Поскольку в текстах речь идет о детях чужеземцев, насильственно увезенных в Персеполь, можно было бы высказать предположение, что эламское malla обозначает рабов. Но, по всей вероятности, это слово имело более широкое значение, а именно «люди», «подданные», о чем свидетельствует чередование его с puhu «мальчик», «девочка», а также его древнеперсидский коррелат marīka «юноша», «подданный» [6]. Этому в данном случае не противоречит и аккадский коррелат qallu «раб» [7], поскольку Дарий (а в контексте речь идет об обращении царя к подданным) считал любого жителя государства своим рабом.

В эламском варианте упомянутой надгробной надписи Дария I несколько раз встречается слово mil, которым обычно передается древнеперсидское tanuš «тело», но в одном случае и более обстоятельный оборот, а именно: ušiy utā framānā «(мое) [8] понимание и повеление». Поэтому В. Хинц полагает, что древнеперсидское tanuš и соответствующее ему эламское mil обозначали не только «тело», но имели более широкое значение «самость» (Selbst). Это слово также встречается в эламских документах из Персеполя. Р. Т. Халлок предположительно переводит его oil (?) [9], т. е. «растительное масло», что вряд ли верно. Обычно оно употребляется в сочетании с глагольной формой hapi и, судя по параллельным переводам Бехистунской надписи, имеет значение «сурово спрашивать» [10], т. е., по-видимому, наказывать с применением пыток [11]. В документах PF 1242, 1243, 1918, 2071 и 2084 (стр. 355, 520, 641, 658) речь идет о выдаче муки для лиц, которые, вероятно, были царскими следователями, а не маслобойщиками, как склонен полагать в трех первых случаях Р. Т. Халлок. А в тексте PF 1248 (стр. 356) выражение mi-ul ha-pi-ra, действительно, упоминается в связи с сезамом и, по-видимому, имеет значение «разбивающий зерна (сезама)».

Остальные разделы рецензируемой книги посвящены ахеменидским и сасанидским рельефам.

На основании исследования персепольских рельефов автор показывает, что ахеменидские дворцовые порядки (как и царская титулатура, а также термины судопроизводства и государственного управления) восходят к мидийцам. В частности, в сценах, изображающих дворцовый прием, в качестве главного лица, судя по одежде, выступает мидиец, который стоит перед троном и с помощью жезла управляет приемом. Это — высший чиновник в государстве (хазарапат), который отвечал за безопасность и порядок во дворце, а также заботился об удобствах и благополучии царя во время походов.

На ахеменидских рельефах придворные персы и эламитяне носят одинаковую одежду. Это не иранская одежда (кожаные штаны и кафтан), а длинная одежда со складками. По мнению В. Хинца, это — эламский костюм, который был заимствован персами не позднее времени Кира, как об этом свидетельствует его скульптурный памятник в Пасаргадах [12].

---

[4] R. T. Halloc k, Persepolis Fortification Tablets, Chicago, 1969, стр. 350.

[5] Там же, стр. 723, s. v. malli.

[6] См. литературу в книге: W. Brandenstein und M. Mayrhofer, Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden, 1964, стр. 132.

[7] Перевод qallu как «Bursche» в рецензируемой книге (стр. 62) следует признать произвольным, так как в нововавилонский и ахеменидский период это — термин, сотни раз засвидетельствованный для обозначения рабов.

[8] Т. е. царя Дария.

[9] Halloc k, ук. соч., стр. 730, s. v. mil.

[10] Ср. там же, стр. 730.

[11] Ср. нововавилонский термин maš'altu (дословно «спрашивание»), которым обозначался допрос с применением пыток.

[12] О большом влиянии эламитян на персов свидетельствуют и результаты новейшего исследования Бехистунской надписи и ее рельефа экспедицией западногерманского Археологического института в Тегеране. Это исследование показало,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В связи с этим автор дает ценное исследование предметов одежды по данным эламских документов VII в. из Суз.

На рельефах персы изображены с щитами, луками, кинжалами и длинными копьями. Копье было общеиранским оружием, а все остальное вооружение персов, включая и боевую колесницу, обязано своим происхождением эламитянам (стр. 63—94).

Как известно, на восточной лестнице, ведущей к парадному залу (ападана) в Персеполе, изображены представители 23 народов Ахеменидской державы с их характерными антропологическими и этнографическими особенностями. Этническая принадлежность большинства этих лиц давно установлена прежде всего благодаря тому, что на Накш-и-Рустамском рельефе Дария I изображены представители 28 народов с точным указанием их племенного происхождения. Но все же остается несколько случаев, когда мнения ученых расходятся. Собрав и исследовав большой материал, В. Хинц полагает, что четвертая делегация рельефа ападаны изображает парфян, а не арейев, как думает большинство ученых, шестая — лидийцев, двенадцатая — ионийцев и, наконец, тринадцатая — парфян (стр. 95—114).

Скальные рельефы, пожалуй,— самая известная отрасль сасанидского искусства. Ее изучение в Европе началось более двух столетий назад. Однако до недавнего времени рельефы служили преимущественно лишь иллюстрациями к сообщениям тех или иных исторических хроник, поскольку состояние источников было таково, что исследователи могли атрибутировать лишь основные персонажи — изображения шаханшахов и главных божеств или в очень редких случаях (фактически лишь для скальных рельефов Шапура I, изображавших его победы над римскими императорами),— и представить себе каким именно историческим событиям они посвящены. Отсутствие сравнительного материала заставляло датировать эти рельефы весьма широко — всем периодом царствования того или иного шаханшаха. Наконец, и само происхождение сасанидских рельефов до последнего времени было довольно загадочным.

В самое последнее время появились источники, позволяющие решительно пересмотреть все существующие точки зрения. Прежде всего — это большие раннесасанидские наскальные надписи, упоминающие о составе двора первых сасанидских шаханшахов. Немалое значение имеют также современные исследования сасанидских монет и гемм, которые позволяют значительно сузить датировки. Кроме того, недавно был обнаружен ряд позднеэламских скальных рельефов, которые, по-видимому, являются предшественниками сасанидских [13].

Современный уровень изучения сасанидских рельефов, превращающий их в важнейший источник по истории и культуре сасанидского Ирана, должен состоять в следующем:

1. Рельефы должны быть датированы в максимально узких пределах. Точность дат в пределах 5—10 лет достигается, в частности, анализом реалий и их сравнением с различными сериями монет.

2. Необходима атрибуция всех (или большинства) персонажей, изображенных на них. В этом случае используются данные сасанидских наскальных надписей, сведения, содержащиеся в надписях на геммах, изучение инвеститурных знаков различных вельмож, порядка расположения фигур и т. д.

3. Необходимо определить конкретные цели создания тех или иных памятников и содержания концепций (политических, идеологических), отраженных в них языком символов.

4. Необходимо, наконец, изучение не отдельных рельефов, но их комплексов (комплекс Накш-и Раджаб, Накш-и-Рустам, Бишапур, Так-и Бостан), создававшихся при нескольких шаханшахах, но, возможно, имевших одну общую идею [14].

Все эти задачи сейчас вполне разрешимы (хотя бы на уровне гипотез), и потому не случайно появление — почти одновременно с работой В. Хинца — еще нескольких весьма подробных исследований, посвященных той же теме [15].

Сасанидским рельефам в книге В. Хинца посвящены главы VI—IX. В гл. VI издаются рельефы Арташира I. гл. VII

что Бехистунская надпись сначала была составлена лишь на одном эламском языке, а древнеперсидский и аккадский варианты добавлены позднее (ссылки на литературу даны в рецензируемой книге, стр. 70, прим. 17).

[13] В особенности — рельеф Хунг-е Наурузи (см. L. Vanden Berghe On the Track of the Civilizations of Ancient Iran, «Memo from Belgium». № 104—105, Sept.-Oct. 1968, стр. 18—20).

[14] Стилистические критерии, которыми часто оперируют в различных работах по искусству Сасанидов, требуют значительного уточнения и проверки.

[15] Прежде всего следует назвать работы: G. Hermann. The Darabgird Relief — Ardashīr or Shahpur? A discussion in the context of early Sasanian sculpture, «Iran». Journal of the British Institute of Persian Studies, VII, 1969, стр. 63—88, и серию работ Р. М. Гиршмана в различных журналах. В ближайшее время выходит в свет его обширное исследование «Bishapour», I, посвященное преимущественно раннесасанидским рельефам. См. также В. Г. Луконин, Культура сасанидского Ирана, М., 1969.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

посвящена рельефу в Дарабе (Дарабгирде), гл. VIII названа «Римские императоры на рельефах Шапура I», гл. IX — «Портреты Картира на рельефах». Исследование исчерпывающее — детально изучены и описаны почти все сасанидские рельефы III в. Макрофотографии рельефов (97 таблиц) выявили многие детали, которые не различимы даже визуально — без помощи специальной оптики. Особенно важны знаки («нешаны») на головных уборах вельмож и в поле рельефов (например — нешан Картира на рельефе Варахрана II в Накш-и-Рустам), а также детали диадем, корон, вооружения. В одном случае — на рельефе в Барм-и Делак (табл. 136) — как будто бы обнаружены остатки новой среднеперсидской надписи, одновременной рельефу [16].

Цель исследований В. Хинца — главным образом атрибуция различных персонажей, представленных на рельефах. В качестве метода их отождествления используется генеалогия раннесасанидских династов, значительно уточненная в последнее время наскальными надписями, исследование «нешанов» — знаков, определяющих титулы или принадлежность к определенным знатным родам, а также определенные исторические события. Результаты, к которым пришел В. Хинц, абсолютно новы и иногда неожиданны. Основные заключения сводятся к следующему:

1. Рельеф в Салмасе, изображающий двух царственных всадников в коронах Арташира I и двух пеших вельмож в «парфянском» одеянии и с «парфянскими» прическами [17], датируется 238 г. и определяется как изображение Арташира I, его сына Шапура I (в период совместного правления) и армянского царя Хосрова [18]. Причиной создания рельефа, по В. Хинцу, является захват Армении [19].

2. Рельеф в Дарабгирде, изображающий триумф сасанидского шаханшаха в короне Арташира I над римлянами, приписывается Шапуру I и относится к периоду после 260 г. (по мнению В. Хинца, на рельефе изображены римские императоры Гордиан, Валериан и Филипп Араб [20]).

3. Рельеф Шапура I в Накш-и-Рустам. По мнению В. Хинца, фигура коленопреклоненного римлянина изображает императора Валериана, стоящая фигура — императора Филиппа Араба [21], рельеф датируется 260 г. [22]

На остальных рельефах даются атрибуции ряда персонажей. Наиболее значительна из них атрибуция представителей знатного иранского рода, члены которого носили титул «питиахш» [23].

В короткой рецензии трудно дать подробный анализ всех атрибуций, предлагаемых В. Хинцем. Ниже следует список важнейших из них с указанием на таблицы книги В. Хинца (X) и соот-

---

[16] Надпись была обнаружена Г. Гроппом в 1968 г. и по его предварительному чтению гласила: «это — изображение Арташир-Анахит, дочери Бахрама» (рец. соч., стр. 218). Несколько позднее Г. Гропп сообщил, что в этой надписи содержится не имя жены Варахрана II (как предполагалось раньше), а имя и титул какого-то вельможи (титул nlpty?; В. Хинц предлагает чтение nlshy — см. стр. 228). Однако ни в 1968, ни в 1969 г. мне не удалось увидеть на этом рельефе — сильно испорченном эррозией — никаких следов надписи. То же подтвердило и внимательное обследование проф. Р. Н. Фрая, предпринятое в 1970 г. (устное сообщение). Скорее всего за остатки надписи были приняты естественные трещины в скале.

[17] H i n z, рец. соч., табл. 69—71.

[18] Более подробно см. W. H i n z, Das sassanidische Felsrelief von Salmas, «Iranica Antiqua», V, стр. 148—160, табл. XLIV—LI.

[19] Г. Херманн, полагая, что по стилю этот рельеф должен относиться к более раннему времени, предлагает в качестве альтернативы время походов Арташира к Адиабене (H e r m a n n, The Darabgird Relief, стр. 73—74). Следует отметить, что на монетах, которые прокламируют совместное правление Арташира и Шапура, Шапур изображен в кулахе наследника престола, а не в короне Арташира (см. Л у к о н и н, Культура сасанидского Ирана, стр. 164, 166—167, табл. II). Нужно отметить, что эта серия монет — единственный достоверный источник, фиксирующий факт совместного правления Арташира и Шапура.

[20] Иные интерпретации: время Арташира I, победа над местными правителями Месопотамии (H e r m a n n, The Darabgird Relief, стр. 83—88); конец царствования Арташира I — начало царствования Шапура I (до официальной коронации), первые военные успехи в войне с Гордианом (Л у к о н и н, Культура сасанидского Ирана, стр. 188).

[21] Иная интерпретация: см. B. C. M a c D e r m o t, Roman Emperors in the Sassanian Reliefs, «The Journal of Roman Studies», 44, L., 1954, стр. 76.

[22] Иная датировка: Л у к о н и н, Культура сасанидского Ирана, стр. 57, 188—199.

[23] В. Хинц (стр. 152—153, прим. 21—22) принимает этимологию Х. Нюберга и В. Б. Хеннинга (см. Mitteliranisch. Handbuch der Orientalistik, I, t. IV, Leiden/Köln, 1958, стр. 61) OP dvitīya (младовав. bitīya) «второй», в значении «второй после царя», Vizekönig (ср. также R. N. F r y e, Some early Iranian titles, «Oriens», 15, Leiden, 1962, ст. 354).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ветствующие таблицы в одном из последних изданий сасанидских рельефов — книге R. Ghirshman, Parthes et Sassanides (P., 1962, а также английское и немецкое переиздания — Г).

Инвеститурный рельеф Арташира I в Накш-и Раджаб (X 57—59) в центре композиции: Арташир I и Ахура Мазда, за спиной Арташира — наследник трона Шапур (будущий шаханшах Ирана Шапур I) и молодой паж — Арташир питиахш (упомянут в составе двора Арташира I в надписи на «Каабе Зороастра»). За спиной Ахура Мазды — Хоранзем, старшая жена Шапура I, мать Варахрана (будущего шаханшаха Варахрана I), и жена Арташира I — Денак. У ног Арташира I — его внук Варахран, у ног Ахура Мазды — Вретрагна-Геракл.

Рельефы Шапура I. Самый ранний в Дарабгирде, самый поздний — в Накш-и-Рустам. На всех триумфальных рельефах представлены все три римских императора, с которыми воевал Шапур.

Триумфальный рельеф в Бишапуре (Бишапур II. X. 101—104, Г. 153—154): два персидских военачальника перед шаханшахом Шапуром: первый — наследник престола Хормизд-Арташир (поскольку борода этого персонажа пропущена через кольцо — что, по мнению В. Хинца,— инвеститурный знак царей и принцев); второй — питиахш Шапур (упомянут в составе двора Шапура I; на основании положения фигуры).

Триумфальный рельеф в Бишапуре (Бишапур III. X. 101, Г. 200): две фигуры перед шаханшахом изображают тех же персонажей.

Рельеф Варахрана II в Накш-и-Рустам (X. 117—122; Г. 212). Слева от шаханшаха жена Варахрана II Шапурдухтак, его сын и наследник Варахран (III) в головном уборе, увенчанном протомой быка; второй сын Варахрана в головном уборе с протомой леопарда (макрофотография X.120 показывает, однако, что это — женская фигура); затем магупат Картир (судя по знаку на головном уборе) и Нарсе — дядя Варахрана II, будущий шаханшах Ирана (атрибуция ничем не обосновывается). Над фигурой Нарсе повторен знак Картира, по мнению В. Хинца,— доказательство того, что идея высечь этот рельеф в Накш-и-Рустам, на месте старого эламского рельефа (следы более раннего изображения сохранились), принадлежат магупату Картиру (поскольку этого знака, кроме мастеров и заказчика работы, никто видеть не мог). Справа от шаханшаха: первая фигура не атрибутируется, затем некий шахраб и, наконец,— шахраб Грузии Папак, сын питиахша, в дальнейшем вступивший на эту должность. Последняя атрибуция доказывается тем, что на кулахе этого персонажа изображен нешан в виде полумесяца с точкой (генетически — звездой) над ним. Такой же нешан (но на кулахе иной формы — в виде фригийского колпака) изображен на блюде, найденном при раскопках в Армази. На блюде имеется надпись, в которой указаны имя и титул изображенного на нем вельможи («Папак, питиахш») и имена его отца (Арташира) и деда (Артшира), носивших тот же титул [24]. Сатрапом Грузии этот персонаж считается лишь потому, что блюдо найдено в Грузии.

Рельеф Варахрана II в Накш-и Бахрам (X. 127—133, Г. 214). Слева от шаханшаха: Картир (судя по нешану на головном уборе) и питиахш Папак (тот же, что и на рельефе в Накш-и-Рустам). На тиаре этого персонажа изображен нешан в виде сложного цветка. По мнению В. Хинца, это означает, что на предыдущем рельефе Папак изображен еще как сатрап Грузии. На блюде из Армази в руке у Папака цветок, что, по мнению В. Хинца, указывает на его принадлежность к роду питиахшей [25]. В. Хинц упоминает блюдо, найденное в Красной Поляне, где на короне царевича, изображенного на нем, также имеются цветы на диадеме и сложный знак (впрочем, совершенно иной формы, чем на блюде из Армази, и не встречающийся на сасанидских рельефах). В. Хинц полагает, что это блюдо также изображает питиахша Папака [26]. Наконец, те же цветы — на боевом шлеме врага Хормизда II на его рельефе в Накш-и-Рустам (X. 133 а, б; Г. 219—220). Этот враг, по мнению В. Хинца,— также питиахш Папак. Поскольку на этом шлеме, кроме цветов, изображен еще нешан в виде бутона — тот же, что и на головном уборе пажа-зонтоносца на рельефе Арташира I, В. Хинц предлагает восста-

[24] W. B. Henning, A Sassanian Silver Bowl from Georgia, BSOAS, 24, 1961, стр. 354—355; В. Г. Луконин, Иран в эпоху первых Сасанидов, Л., 1961, стр. 60 сл. Этот «Папак питиахш» упомянут в надписи Нарсе в Пайкули. Его отец (Арташир, сын питиахша) упомянут в надписи Шапура на «Каабе Зороастра» в составе двора Шапура I, а дед (Арташир питиахш) — в той же надписи, в составе двора Арташира I.

[25] Многочисленные персонажи с цветком в руке часто изображались на сасанидских геммах.

[26] Иная атрибуция — царь Кермана Варахран (в дальнейшем шаханшах Варахран I) — в работе: Луконин, Иран в эпоху первых Сасанидов (аргументы: знак на короне, идентичный знаку на такой же короне на гемме с именем и титулами Варахрана; надпись на об. ст. блюда с именем «Варахран»).

ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

новить историю рода питиахшей при раннесасанидских царях. Питиахш Папак, по мнению В. Хинца, изображен и на рельефе Варахрана II в Сар-и Мешхед (X. 134—135 а, Г. 215—217) вместе с женой Варахрана Шапурдухтак и Картиром. Атрибуция питиахша обосновывается лишь его положением на рельефе.

Рельефы Варахрана II в Барм-и Долак (X. 136—139). На первом рельефе — жена Варахрана II Арташир-Анахит (см. выше, прим. 16) и царевич Нарсе, на втором — Варахран II и, возможно, Картир.

Не все атрибуции В. Хинца бесспорны. Многие из них базируются на раннесасанидской генеалогии, данные которой истолковываются не всегда корректно. Ведущим аргументом в реконструкции генеалогического «древа» является приблизительный подсчет возраста тех или иных персонажей, который весьма неточен, ибо не существует точки отсчета. В качестве примера альтернативных гипотез можно описать комплекс рельефов ущелья Накш-и Раджаб. Это небольшое полутемное ущелье (в древности, возможно, перекрытое естественным сводом) расположено на дороге из Истахра в Персеполь, приблизительно в 1,5 км от Истахра. Напротив ущелья Накш-и Раджаб видны с дороги ахеменидские гробницы и храм (так называемый «Кааба Зороастра») древнеиранской святыни — Накш-и-Рустам. Ущелье внешне ничем не примечательно, однако именно здесь, а не в национальной святыне Арташир I повелел высечь один из своих самых ранних инвеститурных рельефов [27]. Атрибуция фигур Арташира I, верховного божества Ахура Мазды, наследника престола Шапура (будущего шаханшаха Шапура I) и пажа-зонтоносца уже давно установлена. Вызывала споры атрибуция двух маленьких фигур, одной — в наряде сасанидского принца, другой — обнаженной, с барсомом или палицей в руках. В первой из них В. Хинц видит изображение Варахрана (будущего шаханшаха Варахрана I), во второй — иранизированный образ Вретрагны-Геракла.

Однако эти атрибуции — не решающие для истолкования рельефа. Намного более интересны портреты двух знатных дам, изображенных за спиной Ахура Мазды, отделенных от основной композиции чем-то вроде арки. В них видели и фрейлин, и жену, и мать Арташира I, и сестру, и жену Шапура I и т. д. В Хинц предполагает, что первая из этих фигур — Хоранзем, старшая жена Шапура I, мать царевича Варахрана и дочери (впоследствии — жены) Шапура I Атур-Анахит. Вторая фигура, по мнению В. Хинца, изображает жену Арташира I Денак. Ниже станет понятным, сколь важна атрибуция этих фигур для реконструкции обстоятельств прихода к власти в Иране сасанидской династии, пока же обратимся к надписи Шапура на «Каабе Зороастра» — единственному источнику для построения генеалогического «древа». В надписи (в той ее части, где перечисляются представители рода Сасанидов) упоминаются: «Денак, царица цариц, дочь Папака» — одна из жен Арташира I [28] и Хоранзем, царица шахра (= царства). Хоранзем упомянута одной из первых среди знати (сразу же за именами основателя династии — Сасана, Папака и его сыновей — царя Шапура и Арташира I). Из надписи известно также, что у Хоранзем была дочь по имени Вараздухт. Более никаких сведений о ней не имеется. Титул, который носила Хоранзем, — «царица шахра» или «царица Истахра» [29] — свидетельствует о том, что в некий период она правила Истахром — городом и областью, «царем» которых в 208 г. стал сын Папака Шапур. Из надписи следует также, что Хоранзем, возможно, носила этот титул во время царствования Арташира I, но к моменту составления надписи SKZ (260—262 гг.) ее уже не было в живых. Считать ее старшей женой Шапура I и матерью шаханшаха Варахрана I, кажется, нет оснований.

На рельефе первая дама носит головной убор парфянского типа такой же, в каком изображен, например, последний парфянский царь Артабан V на монетах и на инвеститурном рельефе Арташира I в Накш-и-Рустам (поверженный под копыта коня Арташира). Ни один из сасанидских вельмож, естественно, не изображался в такой парфянской «короне». Итак, на рельефе в Накш-и Раджаб представлена какая-то знатная дама, чье изображение нарочито отделено от основной сцены и чьи инвеститурные знаки соответствуют инвеститурным знакам парфянских царей и цариц. Всего вероятнее — это именно Хоранзем, но не старшая жена шаханшаха Шапура I, а независимая царица Истахра парфянской династии.

[27] В. Хинц предполагает, что рельеф в Накш-и Раджаб высечен несколько позже официальной коронации Арташира I (после 226 г.). Ему предшествовал рельеф со сценой боя и инвеститурная сцена в Фирузабаде. Та же последовательность у Г. Херманн. Иная последовательность и датировка: Луконин, Культура сасанидского Ирана, стр. 185—190.

[28] Шапур I был рожден от младшей жены Арташира I, не принадлежавшей к сасанидскому роду и носившей титул «госпожа». См. Луконин, Культура сасанидского Ирана, генеалогическая таблица на стр. 197.

[29] MP, 26: wr'cdwhty ZY (ḫwl)ncym BRTH sthly't MLKT' (Prth.: sthrd'tyH MLKTH).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Инвеститурный рельеф в Накш-и Раджаб становится еще более загадочным: мало того, что этот первый по некоторым данным [30] (или — во всяком случае — один из первых) рельеф, прокламирующий «божественную сущность» власти шаханшаха, высечен не на скалах национальной святыни страны и даже не рядом с первой сасанидской столицей — городом Арташир-Хварра (Фирузабад), а в небольшом «рядовом» ущелье, на нем к тому же изображена парфянская царица той именно области, власть в которой захватили Сасаниды, начав свой победный путь к престолу царя царей Ирана. Это обстоятельство, поставленное в ряд с другими фактами [31], быть может, свидетельствует о характере «переворота» в Истахре и позволяет реконструировать события начального этапа образования сасанидского государства.

Выбор места для рельефа, так же как и его композиция, были, вероятно, результатом конкретной политической ситуации — еще и в это время власть шаханшаха из новой династии была не настолько прочна и популярна, чтобы он осмелился прокламировать ее на скалах «национальной святыни» рядом с гробницами ахеменидских владык и древним храмом Парса. Предлагаемая гипотеза, во всяком случае, кажется более обоснованной, чем атрибуция В. Хинца. Если рассматривать раннесасанидские рельефы комплексами, если для их интерпретации использовать все, в том числе и косвенные, источники, то и в данном случае можно прийти к более существенным выводам. В Накш-и Раджаб слева от описанного выше рельефа помещен рельеф, изображающий Шапура I, его жену, сыновей и высших представителей знати [32]. Все сасанидские рельефы, исключая этот, имеют прозрачную символику и конкретное содержание. Они посвящены или инвеституре или военным триумфам. В данном же случае — перед нами скульптурная noticia dignitatum — не более.

Единственное возможное предположение — это сознательная апелляция к авторитету первого сасанидского монарха, некий династийный смысл (все сыновья Шапура I на этом рельефе имеют нешаны на головных уборах — знаки «уделов», которыми они владели, а Хормизд-Арташир изображен с нешаном наследника престола). На противоположной стене ущелья изображена инвеститурная сцена. Сейчас трудно определить, какой именно шаханшах показан на рельефе (корона полностью испорчена), но стилистическая близость с иными памятниками позволяет считать эту сцену инвеститурой Варахрана I [33]. На некоторых сериях монет Варахрана I выбита уникальная для Сасанидов легенда: «маздаясснец, владыка, Варахран, царь царей Ирана и не Ирана, происходящий (букв. „из семени") богов Арташира» [34]. Стало быть, и на своих монетах этот государь, чье право на престол Ирана было не бесспорно [35], апеллировал к авторитету первого государя, стало быть, не случайно, что он выбил свой инвеститурный рельеф именно в этом ущелье.

Наконец, еще через четверть века в Накш-и Раджаб были выбиты портрет и краткая надпись магупата Картира [36]. Он приказал изобразить себя рядом с рельефом Арташира I. Здесь опять нужно вспомнить особую роль Картира в судьбе раннесасанидского государства и церкви [37] и его апелляцию к Арташиру I в надписи NRn. После этого ущелье Накш-и Раджаб было оставлено.

Что же дают нам изложенные выше гипотезы? Прежде всего, ущелье нуждается в археологическом обследовании: совсем не исключено, что некогда в нем был воздвигнут династийный храм, посвященный основателю государства (типа так называемых «царских» храмов раннесасанидской эпохи) в месте, где был выбит его первый инвеститурный рельеф, и тогда все остальные рельефы этого ущелья приобретают вполне ясную символику и смысл.

В этом случае будет интересно проследить этапы становления официальной династийной доктрины.

Комплекс Накш-и Раджаб, вместе с данными раннесасанидских наскальных надписей (надпись Шапура I на «Каабе Зороастра», надписи Картира, надпись Нарсе в Пайкули) и иными источниками, вероятно, доказывает, что первоначально Сасаниды не искали знатных предков

[30] Луконин, Культура сасанидского Ирана, стр. 33, 47—48.

[31] Луконин, Культура сасанидского Ирана, стр. 33—34.

[32] В. Хинц несколько расходится с нами в атрибуции отдельных фигур этого рельефа, но в данном случае это не имеет существенного значения. Дата рельефа — скорее всего после 260 г.

[33] Hinz, рец. соч., табл. 72; Луконин, Культура сасанидского Ирана, рис. 10, стр. 190 (ошибочно указано, что на рельефе имеется надпись с именем Шапура). В. Хинц предполагает, что шаханшах на рельефе — Шапур I, однако его макрофотографии с очевидностью показывают, что корона шаханшаха — не корона Шапура.

[34] mzdysn bgy wrhr'n MLK'n MLK' 'yr'n W 'nyr'n MNW ctry MN yzd'n y'rthštry.

[35] Луконин, Культура сасанидского Ирана, стр. 101—107.

[36] Hinz, рец. соч., табл. 113, 114; Луконин, Культура сасанидского Ирана, рис. 13.

[37] См., например, В. Луконин, Картир и Мани, ВДИ, 1966, № 3.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

в предшествующих династиях — реальных или легендарных. Лишь к IV в. (первый вариант «Карнамака», официальные царские титулы) — в силу ряда политических причин — сасанидские шаханшахи стали возводить свою официальную генеалогию к «Дариям» и «Кейанидам», а в VI в. эта генеалогия была продолжена к Пишдадидам. Все эти проблемы, разумеется, тесно связаны с вопросами создания цикла историй «четырех династий», этапами создания «Хватав-Намак».

Последняя X глава книги В. Хинца названа «Несколько новых надписей сасанидского времени». Она написана сотрудником Немецкого Археологического института в Тегеране Г. Гроппом и посвящена обнаруженным в самые последние годы в различных районах Ирана наскальным надписям преимущественно позднесасанидской или послесасанидской эпохи.

Открытие таких надписей продолжается и до сих пор — в самое последнее время была обнаружена курсивная среднеперсидская надпись в районе Пасаргад, надпись на скале недалеко от Персеполя, несколько надписей в районе Бишапура и т. д.

Наиболее интересной из вновь открытых надписей является надпись из района Танг-и Бурак (около 120 км западнее Абадэ), открытая в 1956 г. Али Акбаром Баспри [38] Эта двуязычная надпись (среднеперсидский — сткк. 1—9 и парфянский — сткк. 10—15 текста) времени Шапура I повторяет (с незначительными вариантами) сткк. 1—6 и конец знаменитой билингвы Шапура I в Хаджиабаде [39]. Г. Гропп публикует прекрасные фотографии надписи (табл. 141—142), фотографию грота, около которого она была найдена (табл. 140), и схематический план местности (рис. 23). Он дает восстановление текста (на основе надписи из Хаджиабада), транскрипцию, «реконструкцию чтения в манихейской орфографии», перевод и филологический комментарий, в особенности останавливаясь на слове wrt («Ort») в парфянском тексте надписи.

Как известно, причина создания надписи-билингвы в Хаджиабаде оставалась непонятной: речь в ней шла о том, как Шапур I и его вельможи («принцы, знать и азаты» — BR BYT', wclk n W 'z'tn) пускали стрелы в цель. Х. Нюберг и вслед за ним Н. В. Пигулевская [40] полагали, что речь идет, возможно, о ритуальном «пускании стрел» в честь праздника Тараган. Однако открытие надписи аналогичного содержания вдалеке от скал Хаджиабада заставляет склоняться к тому, что как там, так и в надписи Танг-и Борак фиксируются спортивные успехи Шапура и его вельмож. Г. Гропп устанавливает расстояние от надписи до камня, который, видимо, служил мишенью. «Хорошим выстрелом» считалось попадание стрелы в цель на расстоянии около 150 м.

Надпись из района Эклика (оазис в 30 км к юго-западу от Абадэ) [41] вместе с некоторыми другими, изданными в книге, относятся к уже довольно многочисленным надписям на дахмаках — астоданах (dhmk — зороастрийских погребальных камерах — небольших нишах, выбитых в скалах, как правило, рядом с «ложами» — искусственными прямоугольными траншеями, куда клались тела усопших зороастрийских праведников и где они находились до тех пор пока не очищался скелет). Таких дахмаков в Иране в последнее время открыто немало, не только в районе Парса, но и в Хузистане, и в других местах [42]: надпись из Эклика выполнена так называемым «курсивным пехлеви» (близким по начертанию надписям из Дербенда), содержит 21 строку текста и дату по «эре Ездегерда» — «месяц Абан, 6 год Ездегерда, царя царей, день Хвар» (сткк. 11—15). В этот день умер марзбан города Бишапура (по переводу Г. Гроппа), по чьему приказу была изготовлена гробница. В день Мах его тело (вернее — кости) были помещены в дахмак (сткк. 16—18). Надпись дефектна в начальных строках и очень трудна для чтения, поэтому транскрипцию и перевод ее, предложенные Г. Гроппом, следует рассматривать как предварительные (в особенности чтение и перевод сткк. 19—21).

Четыре короткие надписи рядом с астоданами из района Истахра [43] содержат имена похороненных и погребальные формулы. Их содержание, вероятно, отвечает некоему стандарту такого рода надписей: «этот дахмак приказал сделать

[38] Предварительные публикации проф. Али Сами в журнале Gosāresha-ye bāstānšenasī, IV, Teheran, 1338 г. х. (1957), стр. 173—179; в его же книге «Сасанидская цивилизация» (на перс. яз.), т. I, Шираз, 1963, стр. 70.

[39] Издание см. N. Nyberg, Hājjiābād-inskiften, «Ost og Vest», København, 1945, стр. 63—74. Конец надписи Танг-и Борак несколько расходится с надписью из Хаджиабада.

[40] Н. В. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.— Л., 1956.

[41] Предварительное издание — проф. Али Сами (см. выше, прим. 38).

[42] См., например, Vanden Berghe, ук. соч., стр. 30—31.

[43] Первая из них датирована, согласно Г. Гроппу (в книге приведены только прорисовки) месяцем Хурдат, 33 годом эры Ездегерда, днем Варахран (август 664 г.), вторая — месяцем Вахуман, 43 годом (эры Ездегерда) днем Спандармат (апрель 676 г.); остальные надписи не датированы.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

такой-то сын такого-то (иногда следует дата) души своей ради (lwb'ny NPŠH l'd) и да будет ему даром (b'l) [44] рай (wbšt)». Иногда указываются те, на чьи средства был сделан астодан (в надписи № 4 — астодан приказали сделать брат и сестра покойного) [45].

Кроме этих надписей, Г. Гропп издает фотографии, прорисовки и чтение отдельных слов трех сильно испорченных надписей из Сиванда (оазис на дороге между Персеполем и Пасаргадами). Все они курсивные, высечены на каменной платформе (приблизительно 3 × 4 м) в одном из углов которой выбита прямоугольная ванна. Вероятно, содержание всех трех надписей сходно. В самой сохранной из них (надпись А), по чтению Г. Гроппа, написано: «Этот оросительный канал (kts), и сад (b'g), и фруктовый сад (bwdst'n — совр. перс. bostan), и виноградник, и цветы, и деревья (w'l [46] w dlht), и дом приказал сделать такой-то, сын такого-то, для увеличения своего имущества». Надписи В и С более пространные, в надписи В упомянут тот же владелец.

Наконец, Г. Гропп издает обнаруженную им почти разрушенную греческую надпись на груди коня Шапура I на его триумфальном рельефе в Накш-и-Рустам (в надписи — имя и титулы Шапура I, его отца и деда) и едва различимую среднеперсидскую курсивную надпись на том же рельефе (в обоих случаях даются только прорисовки). Книга завершается схематической картой провинции Фарс, на которой указаны места находок надписей, указателем имен, терминов, эламских, древнеперсидских, парфянских и среднеперсидских слов и парфянских и среднеперсидских гетерограмм.

В заключение можно отметить, что богато документированная и содержащая большое количество нового материала, тонких наблюдений и хорошо аргументированных выводов книга В. Хинца, несомненно, принесет большую пользу всем специалистам по древнему Ирану.

В. Г. Луконин, М. А. Дандамаев

---

[44] Слово b'l в значении «божественное воздаяние» встречается также в надписях Картира.

[45] Весьма интересна погребальная сасанидская надпись на византийском саркофаге, открытом во время археологических раскопок на территории École d'Instituteurs в Стамбуле в 1964 г. Издатель надписи Ж. П. Менаш относит ее ко времени Варахрана V. Перевод, предлагаемый издателем, — предварительный, но саркофаг в надписи обозначен словом gwr и в нем был, вероятно, похоронен сасанидский посол, скончавшийся в Константинополе (см. J. P. De Menasce, O. P., L'Inscription funéraire pehlevic d'Istanbul, «Iranica Antiqua», VII (Melange Ghirshman II), Leiden, 1967, стр. 59—71.

[46] См. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch Turkestan, III, «Sitzungber. der Preuss. Akad. der Wiss. phil.-hist. Kl. B. 1934, стр. 907.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ